

ПОЕЗДКА ИЗ БАРНАУЛА В ЗМЕИНОГОРСК.
ЭКСКУРСИИ НА КОЛЫВАНСКУЮ
ШЛИФОВАЛЬНУЮ ФАБРИКУ
И РЕВЕННУЮ СОПКУ

9 апреля в 10 часов вечера я выехал из Барнаула, пробыв там ровно месяц. Сразу же за городом мне пришлось подняться на южный берег р. Барнаулки, возвышающийся почти на 200 парижских футов* над равниной, на которой расположен Барнаул. Подъем продолжался довольно долго из-за скверной дороги. Береговая терраса состоит из песка и глины и большей частью круто обрывается к северу, вымываясь дождевыми и снеговыми водами.

Вначале дорога ведет по равнине, на которой стоят березы и сосны, в одиночку или группами. Примерно на середине пути к первой станции (Шадринск, 25 верст) деревья совершенно исчезают и открывается песчаная степь, на которой густо растет стародубка весенняя (*Adonis vernalis*), начинающая цвести. К Шадринску песчаная почва сменяется гучным черноземом, что заметно по буйному росту зелени. За второй станцией — Калманской (23¹/₂ версты) степь продолжается, но становится холмистой, пересекается ручьями и речками, которые летом, видимо, пересыхают. Я проезжал степь как раз в ту пору, когда ее здесь обыкновенно палят. На мои вопросы мне ответили, что опаливание степей во многих местностях производится умышленно, чтобы уничтожить очень толстые и жесткие стебли прошлогодней травы, мешающие сенокосению, но нередко это происходит и случайно, из-за небрежности или озорства, когда сухие стебли, подоженные где-нибудь в одном месте, быстро распространяются вокруг себя пламя. Днем горя-

щая степь окутана окрашенным у земли в красный цвет дымом, но зато в ночное время такое море огня представляет своеобразное зрелище.

Пашен и нив вблизи селений совсем нет, они находятся примерно на расстоянии 20 верст от дороги. В окрестностях селений много обширных пастбищ для скота, особенно для лошадей, которые теперь почти ничего не находят на голой, опустошенной морозами и огнем земле, потому что единственные цветущие сейчас растения, украшавшие степи, — стародубка весенняя и прострел широкоцветный (*Anemone patens*) — несъедобны для животных. Поскольку поля расположены далеко от деревень, крестьяне, как мужчины, так и женщины, во время полевых работ, особенно во время страды, нередко неделями находятся в поле, а домой приезжают только по субботам. Даже мать, кормящая грудью ребенка, проводит много дней вдали от дома, предоставляя оставшимся там родственникам кормить ребенка коровьим молоком как им заблагорассудится. Отсюда понятно, почему многие дети умирают здесь в раннем возрасте.

На пути к третьей станции (Чистюнька, 32 версты) я увидел первого суслика; в дальнейшем они очень часто встречались на всех равнинах и в обширных горных долинах. Часто попадались близ дороги тетерки и белые куропатки. До четвертой станции (Панюшево, 32 версты) и далее до пятой станции (Кашино, 23 версты) местность в общем остается неизменной, хотя постепенно поднимается, образуя низкие и очень отлогие террасы, которые тянутся с востока на запад. Прострел широкоцветный рос всюду исключительно изобильно, с голубыми, белыми и желтыми цве-

* Парижский фут — старинная единица меры длины, равная 0,3247 м. Парижский фут состоит из 12 парижских дюймов, а 1 парижский дюйм — из 12 парижских линий; далее в тексте, для краткости, — фут. (Прим. перев.)

тами, но полностью расцвели только голубые, остальные же были пока еще в бутонах. На пути к Шипуновой* (32 версты) в ложбинах и вокруг маленьких озер встречались березы, но с кривыми стволами, вероятно, потому, что они каждый год страдают от палов. Ближе к станции почва становится снова песчаной и местами показывается белый соляной налет.

В низинах еще лежал снег. От Шипуновой по очень длинному мосту переезжают через Алей к Калмыцким Мысам (29 верст), где снова появляется чернозем. И вновь местность, как и раньше, ровная. У Калмыцких Мысов протекает Локтевка, которую обычно переезжают по мосту; но нынешней весной река снесла мост, и я ехал по западному берегу. Берег этот низменный, как и вся местность, по которой мы до сих пор двигались; на берегах, насколько можно рассмотреть из-за излучины реки, видны заросли ивы и ольхи. На восточном берегу высится ряд холмов. Между этой станцией и следующей (Курьинск, $35\frac{1}{2}$ версты) есть пологий, но длинный подъем.

От Курьинска до Саушки ($27\frac{1}{2}$ версты) дорога идет также на подъем по степной местности. Здесь цвели, кроме упомянутых растений, лютик многокоренной (*Ranunculus polyrhizos*), желтый тюльпан и новый гусятник нитевидный (*Ornithogalum angulosum* n.). Встречался также караганник карликовый (*Robinia pumila*) с распускающимися бутонками. Теперь горы виднелись все отчетливее, их вершины выступали одна за другой из голубой дали. Саушка — последняя станция перед Змеиногорском — расположена у самого подножия горы, близ Кольванского озера, в окрестностях которого находятся известные гранитные скалы, имеющие совершенно необычайную форму. Было уже поздно, и мне предстояло сделать еще $19\frac{1}{2}$ версты до Змеиногорска, поэтому приходилось спешить, чтобы попасть туда до наступления ночи. У дороги в изобилии росли упомянутые лютик многокоренной, новый гусятник и татарская жимолость (*Lonicera tatarica*). Остатки прошлогодней травы указывали на разнообразие расте-

ний, которые, однако, не все можно было определить.

Свой путь от Барнаула до Змеиногорска я проделал не без остановок, кое-где в деревнях задерживаясь на ночлег, и на этот путь в 280 верст мне понадобилось около трех дней. 12 апреля я добрался до Змеиногорска (или Змеева) — горного города, занимающего малое пространство. Город находится в Чарышском округе Томской губернии на $51^{\circ}9'27''$ с. ш. и $99^{\circ}49'30''$ в. д., по Ферро, на высоте 1201 фута над уровнем моря, у подножия Алтайских гор, среди множества холмов, которые на западе теряются в равнине между Обью и Иртышом. Если ни в Барнауле при отъезде, ни по дороге в степи я не встретил снега нигде, кроме отдельных ложбин, то в этом городе я увидел большие сугробы. Меня очень поразило это явление, и мне рассказали, что здесь ежегодно выпадает много снега, а иногда в таком изобилии, что все улицы и дома, которые находятся в долинах, покрываются сугробами до верхушек крыш, и жителям приходится проделывать ходы в снегу, в то время как на некотором расстоянии от Змеиногорска, например у Локтевского завода (70 верст отсюда), снега выпадает очень мало или вовсе не бывает, так что скот почти всю зиму может добывать себе корм.

В Змеиногорске и окрестных степях нередко бывают снежные метели, известные здесь под названием буранов, сопровождающиеся сильными холодами, которые подвергают опасности путников. Начинаются бураны так быстро и неожиданно, что редко можно принять против них меры. Если такой буран застигнет в пути, то останавливаются на самой дороге, дают засыпать себя снегом и в таком состоянии пережидают непогоду. От рыхлого снега можно впоследствии легко освободиться, по крайней мере, человек не сбивается с пути и, находясь на столбовой дороге, может получить помощь от проезжающих. Если же поспешить во время бурана, рассчитывая доехать до жилья, то можно легко сбиться с дороги и заплутать окончательно. Обычно снег падает сначала большими сырыми хлопьями, и если после непогоды или во время нее начинается сильный мо-

* В подлиннике: Чепанова. (Прим. перев.).

роз, как это часто случается, то положение становится еще опаснее.

Мне рассказали такой случай. Одна женщина поехала с двумя сыновьями из степного селения, расположенного неподалеку от Барнаула. Поехали они при хорошей погоде, но через четверть часа после отъезда поднялся буран, и они начали торопиться. Она свернула с дороги, возможно, намереваясь вернуться, и родственники, которые тотчас же отправились на розыски, нашли ее уже мертвой. Детей она накрыла своим тулупом, и они оба оказались живы. Рассказывали также, что тогдашний начальник Змеиногорска однажды попал в буран, отойдя прогуляться всего за четыре версты от города. Тотчас же на поиски было послано из Змеиногорска множество людей, и это спасло его от гибели.

Мне повезло, так как во время путешествия в Сибирь и обратно не пришлось пережить ни одного бурана. Кто желает прочесть описание этого явления, сделанное очевидцем, найдет его в «Сведениях об Алтайских горах» Ренованца (с. 165)²².

Население Змеиногорска, кроме нескольких купцов, состоит в основном из горных офицеров и их семей и рабочих горного завода. Число последних не всегда одинаково, так как по мере надобности их или прикомандировывают, или отзывают на другие рудники. Теперь их около 4000 чел. На большой открытой площадке стоит привлекательная на вид построенная несколько лет тому назад церковь. Лазарет, рассчитанный на 250 больных и 50 пострадавших от несчастных случаев, находящийся рядом с хорошо снабжаемой аптекой, помещается в просторном здании; в этом учреждении господствуют чистота и порядок. Рядом разбит сад, принадлежащий госпиталю, где выздоравливающие могут дышать свежим воздухом. Плавильный завод расположен приблизительно в версте от города, к западу от него, у речки Корболихи. В Змеиногорске есть горная контора, в ведении которой кроме здешнего рудника находятся и все остальные, за исключением находящихся поблизости Локтевского и других, южнее его расположенных рудников.

«Змеиногорский рудник», славящийся богатой добычей серебра, «был открыт в 1745 году, еще в то время, когда Кольванские рудники находились в ведении действительного статского советника Акинфия Никитича Демидова, заложившего местные рудники в 1725 году. Пласт Змеиногорского рудника слагается в основном из тяжелого шпата, частью из кварца. Подошва состоит из роговика, местами рудоносного, кровля — из сланца. Тяжелый шпат имел в объеме 83 863 кубической сажени, кварц — 13 600 сажень; первый весил 213 012 489 пудов, последний — 21 216 032 пуда. Общий вес — 234 228 521 пуд. Пласт расположен с востока на запад, под углом 129°. Наклонение его — 139 сажень, причем он уходит вниз по вертикали на 91¹/₂ сажени. С 1747 года, когда Кольванское горное дело²³ стало собственностью царского Кабинета, и до 1825 года было получено 75 016 102¹/₂ пуда предназначенной для плавки руды, в которой содержалось 52 478 пудов 7 футов золотосодержащего серебра. В каждом пуде серебра было в среднем 2 золотника 65 долей золота. Выплавлено уже 41 092 пуда 16 футов серебра*.

Богатство Змеиногорского рудника и его размеры превосходят, по-видимому, богатства и размеры всех известных серебряных рудников. Прежде металлургические заводы получали от него по 600 пудов серебра ежегодно, т. е. приблизительно ²/₃ всего количества серебра (равного 1000 пудам), которое ежегодно поставлялось Кольванскими металлургическими заводами. Вследствие такой интенсивной добычи рудник этот теперь уже почти истощен, и после расчета, произведенного в 1818 г., он содержал только 3141 пуд серебра. Учитывая такое истощение рудника и принимая во внимание количество серебра, которое можно добывать из других рудников Кольванского горного округа, было установлено, что к серебру, поставляемому в течение года, Змеиногорский рудник обязан добавлять только по 80 пудов в год. Хотя

* Заключенные в кавычки сведения представляют не что иное, как надпись на доске, которая находится над моделью Змеиногорских горных разработок в барнаульском музее. (Прим. автора).

добыча на руднике теперь намного уменьшилась по сравнению с добычей прежних лет, считают, что машины и главные разработки нужно оставить в том же состоянии, ибо глубже есть еще руда. Специалисты очень хвалят используемый здесь гидравлический механизм. Для того чтобы приводить его в движение, на маленькой речке Змеевке устроена плотина. Благодаря плотине высотой в 9 сажен вода речки и нескольких источников собирается в большой пруд. Затем скопившаяся вода вытекает из пруда потоком, который на протяжении 241 сажени идет под землей, выходит на поверхность и 130 сажен течет открытым каналом на большое колесо, называемое «Преображенское» и служащее для подъема руды. Отсюда другим подземным каналом длиной в 60 сажен вода течет к другому рудоподъемному колесу («Екатерининскому») и снова устремляется по подземному каналу длиной в 30 сажен на огромное колесо диаметром в $6\frac{1}{2}$ сажени. Это колесо, называемое также «Екатерининское», или «Слоновая машина», служит для подъема подземной воды. Таким образом, одна и та же масса воды приводит в движение четыре колеса*. Эта установка была изобретена Фроловым, отцом нынешнего начальника Кольванских заводов, и сделана по его указанию²⁴.

Внутри рудника образовался целый лабиринт ходов, закрепленных деревянными стойками или каменной кладкой; ходы, высеченные в твердой породе, совсем не нуждались в креплении. Глубина рудника составляла прежде 110 сажен. «Иванова штольня», которая служит для стока поднимаемой большими колесами воды, имеет в длину 500 сажен. Отделение руды от пустой породы происходит следующим образом. Поднятая на поверхность руда либо разбивается на кусочки и сортируется, для чего используется множество маленьких мальчиков — «рудобойцев», либо

примывается способом, применяемым в Венгрии²⁵.

Для транспортировки руды нынешний начальник построил еще в 1810 г. железную дорогу²⁶, по которой одна лошадь перевозит в двух вагонетках 400 пудов и более. Длина дороги — 1 верста 200 сажен*.

В Змеиногорске я осмотрел плавилиню, а затем побывал в руднике. Глубина, на которой там работали, достигала 62 сажен. Спуск был спокойный, пологий, но все — подземное движение, эта деятельность людей, работающих в помещениях, не освещаемых дневным светом, — имеет нечто своеобразное. При тусклом свете рудничных лампочек вглядываясь в темные ходы, из которых появляются темные фигуры и проходят мимо; рабочие, хорошо зная расположение рудничных ходов и коридоров, обычно не пользуются своими фонариками. Движение огромных водяных колес, особенно «Слоновой машины» 19 аршин в диаметре производит ужасный шум. Подземная вода поднимается на высоту 60—70 сажен. Шум этот слышен задолго до того, как приближаешься к колесам, но без страха проходит новый человек мимо колес по доскам, омываемым водою, положенным кое-где в качестве мостков над подземными водами, и наблюдает на близком расстоянии за быстрым вращением колес.

Здесь действуют также две кузницы, одна на глубине 17, другая — 30 сажен. В них идет оживленная работа, и мрачные скалистые своды, освещенные заревом горнов, производят необычайно эффектное впечатление. А падение молота на наковальню здесь, в этом скалистом помещении, вызывает особое звучание.

Горы вокруг Змеиногорска состоят главным образом из глинистого сланца, сильно разрушенного на поверхности. К юго-востоку они спускаются отлого, к востоку — несколько круче. Горы эти, судя по названию одной из них («Лесистая»), были некогда покрыты лесами, от которых не осталось и следа; теперь растительность, насколько я мог судить, такая же, как и всюду в этой местности. На вершине, между расщелинами скал

* А. И. Кулибин называет следующие размеры водоналивных колес Змеиногорского подземного сооружения (м): «Преображенское» — 4,3; «Екатерининское» — 4,3; «Второе Екатеринбургское» — 13,9; «Вознесенское» — 13,5. «Горный журнал». 1936. Ч. 1, кн. 2; Ч. 3, кн. 4 (Прим. перев.)

* Описание ее дано в «С.-Петербургском журнале», издаваемом под редакцией Августа Олдекопа, т. 10, с. 3—5. (Прим. автора).

росли барбарис сибирский (*Berberis sibirica*), несколько ниже — колюрия гравилатовидная (*Sieversia geoides*) и в тени каменных глыб — сибирская камнеломка (*Saxifraga sibirica*), еще ниже — одуванчик лекарственный (*Leontodon arcuatus* (?) Tausch), бурачок сибирский (*Allysum tortuosum*), проломник большой (*Androsage maxima*), лапчатка степная (*Potentilla opaca*), фиалка песчаная (*Viola arenaria*), исключительно много кукушкиных слезок (*Iris rithenica*), оносма обыкновенная (*Onosma simplicissimum*), козелец (*Scorzonera*), незабудочник скальный (*Myosotis rupestris*), репка колючая (*Crassula spinosa*) и др. Обычные кустарники здешней местности — жимолость татарская (*Lonicera tatarica*), таволга зверобоелистная (*Spiraea hypericifolia*), шиповник колючий (*Rosa altaica*), кизильник черноплодный (*Mespilus Cotonaster*). Они растут гуще или реже в зависимости от того, как часто около них на склонах жгли прошлогоднюю траву. Самая высокая из находящихся неподалеку от Змеиногорска гор — Караульная сопка, поднимающаяся на 2006 футов над уровнем моря и на 805 футов выше уровня Змеиногорска. За ней следует Пригонная сопка, находящаяся к северу от города и удаленная от него приблизительно на расстояние версты. Последняя поднимается на высоту до 1462 футов над уровнем моря.

На западо-юго-западе от города, близ речки Корболихи, находится несколько известняковых каменоломен, в которых очень часто встречаются окаменелости (кораллов?), хотя и в очень неясной форме. Неподалеку от них на холмах густо цветет астрагал крупноцветный (*Asrtagalus megalanthus*) с белыми и розоватыми цветами. Встречаются также крупка лесная (*Draba lutea longipes*), кукушкины слезки и почти все те растения, которые я встречал прежде на других горах; на вершинах между расщелинами скал растет барбарис сибирский. Южнее Змеиногорска находится источник, называемый Демидовским, с исключительно хорошей водой, но в окрестностях Змеиногорска вода обыкновенно мутная и безвкусная. Этот недостаток здесь не так заметен, если принять во внима-

ние, что все вместо воды пьют квас*.

Я нашел здесь медунку мягкопушистую (*Pulmonaria mollis*) с голубыми и белыми цветами.

Так как заказанные мною вещи, которые мне нужно было взять с собой в Риоддерок, не были еще готовы, я решил свободное время использовать для знакомства с окрестностями города. 15 апреля при ясной, но довольно холодной погоде я отправился на Колыванскую шлифовальную фабрику на так незываемой подставе. Это очень длинная телега, в середине которой между осями закреплен короб, покоящийся на длинных жердях, упругость которых смягчает толчки. Телега имеет еще одно очень хорошее свойство: благодаря своей длине она довольно устойчива и почти не опрокидывается на плохой дороге. На протяжении первых девяти верст до с. Черепаново, где находился серебряный рудник, местность подобна окрестностям Змеиногорска: всюду безлесные холмы из глинистого сланца, почти сплошь заросшие травой; тут и там попадаются мелкие кустарники — шиповник (*Rosa*), таволга (*Spiraea*), карагана карликовая (*Robinia pigmaea*). В низинах я часто встречал ивы, мужские цветы которых начинали как раз распускаться. Здесь же, а также и на других, еще влажных местах, в большом количестве росли кандык сибирский (*Erythronium Dens Canis*), а кроме того, красивая желтая хохлатка (*Corydalis bracteata*), фиалка пушистая (*Viola hirta*), фиалка душистая (*Viola odorata*) и медунка мягкопушистая, которые в это время уже цвели. Подъезжая к с. Черепаново, мы переехали Большую и Малую Каменки, которые впадают в Корболиху, протекающую сразу же за селом. На скалах, высящихся вдоль ее берега, я нашел цветущую леонтицу алтайскую (*Leontice altaica*), ветреницу голубую (*Anemone coerulea*) с белыми и синими цветами, лютик многокоренной, тюльпан трехцветный (*Tulipa tricolor*), гусятник нитевидный, хохлатку желтую и ветреницу алтайскую (*Anemone altaica*), которая часто встречалась по дороге, еще не цветущие репку колючую, скры-

* Квас — это напиток, изготовленный из заквашенной муки и воды, который употребляется по всей России. (Прим. автора).

пун гибридный (*Sedum hybridum*), порезник бухтарминский (*Seseli buchtormense*), марьин корень (*Paeonia anomala*), желтую акацию (*Robina Caragana*), кизильник черно-плодный и многие другие растения.

Проехав семь верст, мы оказались у подножья Глядня*. До сих пор по обе стороны дороги встречались большей частью лишь голые холмы и низменности между ними, сильно заболоченные в это время года. На юго-западном склоне Глядня на протяжении пяти верст приходится переезжать немало бурных речек, вероятно, безымянных, по крайней мере, моим спутникам их названия не были известны. На северо-восточном склоне пенится Суета, которая течет в северо-западном направлении к Ефтифеевке и вместе с ней вливается в Локтевку, возникающую у подножья Синей сопки.

Глядень до самой вершины был покрыт густым лесом из пихты, одного вида тополя (вероятно, лавролистно-го) и берез. Поросль составляли калина (*Viburnum Opulus*), разные виды ив, шиповники, а на крутых солнечных склонах — татарская жимолость. Вокруг в беспорядке были навалены стволы деревьев, они часто лежали поперек дороги, так что нам постоянно приходилось их отбрасывать и пробивать себе дорогу с помощью топора. Близ дороги встречались глубокие овраги. Мне указали северо-западную вершину, как высочайшее место Глядня, высоту которой я определил в 1856 футов. Однако другая вершина, на которую я не смог взобраться из-за большого количества лежавшего на ней снега, казалась еще более высокой. Местность за Гляднем до Колывани в точности напоминала окрестности Змеиногорска. Мне нужно было переехать Ефтифеевку и в пяти верстах от Колывани по мосту — Локтевку. В Колывань я приехал вскоре после полудня, где был гостеприимно принят местным начальником бергмейстером Лаулиным, которому меня порекомендовал г-н Фролов.

Колывань** — местечко, красиво расположенное на реке Белой в

* Так называют безлесные низменные террасы или горы, с которых открывается обширный вид. (Прим. автора).

** Заинтересовавшись значением этого названия, я заглянул в «Энциклопедию Россий-

30 верстах от Змеиногорска, на высоте 1209 футов над уровнем моря. Здесь в 1725 г. был основан Демидовым первый на Алтае металлургический завод, и от этого селения все горные и металлургические заводы получали название Колыванских, или Колывано-Воскресенских. Не следует смешивать, как случается во многих статистических сочинениях, эту Колывань с другим местом такого же наименования, которое находится к северо-западу от Барнаула и к юго-западу от Томска, на правом берегу р. Оби. Когда в царствование императрицы Екатерины были учреждены наместничества, с Чаудск, переименованное в Колывань, стало центром Колыванского наместничества, в котором находилась администрация. С упразднением наместничеств новый главный город построен не был, поэтому Колывань стала окружным городом Колыванского округа; в этом округе рудников нет, но они есть в Кузнецком, Барнаульском и Чарышском округах. В последнем находится шлифовальная фабрика, или, как ее здесь называют, Колыванский шлифовальный завод, который был перенесен сюда из с. Локтевска. Металлургического завода в округе в настоящее время нет.

Шлифовальная фабрика производит работы исключительной ценности, большей частью по порфиру и яшме разных цветов. Прекрасные формы и колоссальная величина многих ваз, колонн и чаш действительно изумительны. Все эти изделия — собственность царского Кабинета и отправляются в С.-Петербург. Здания фабрики и кузницы, в которых изго-

ского государства» Гейма, где нашел слово «колебать» — приводить в движение, качать. Так как вода Колыванского озера колеблется при незначительном ветре, такое объяснение показалось мне мало подходящим. Мой знаменитый коллега г-н коллежский советник и кавалер проф. Василий Перевозчиков предложил другое толкование, которое мне представляется более точным. Это название может быть произведено от слова «колыба», которое по-русски, сербски и чешски означает хижину, беседку, шатер: ведь здесь, несомненно, до начала работ на руднике была сооружена какая-то кровля. Кроме всего этого, наименование «Колывань» можно объяснить словами из чешского языка, а именно: Koly — чостокол, а Váňe или Váň — шпиль башни, что может иметь отношение к существовавшей здесь прежде крепости; есть и другой вариант: Koly — чостокол и Váňsty — горный, что можно еще определеннее выражать понятие «горная крепость». (Прим. автора).

творяются все инструменты для нужд фабрики, располагаются у Белой; ее воды приводят в движение колеса, с помощью которых производятся работы.

Рабочие здесь, как и на всех колыванских рудниках, металлургических заводах и прочих фабриках, рекрутированы из местных крестьян и их детей. На шлифовальной фабрике их число обычно составляет 300 чел. В особых случаях, например при транспортировке больших каменных глыб и т. п., число рабочих на некоторое время увеличивается. Положение рабочих всех предприятий относительно одинаково; подробно об этом пойдет речь ниже. Кроме того, царский Кабинет ежегодно представляет 20 тыс. руб. на содержание тех предприятий, которые находятся в ведении не барнаульской горной канцелярии, а непосредственно начальника Колыванских горных заводов. Я просматривал чертежи изготовленных здесь изделий, на которых были указаны точные размеры. Среди этих изделий были чаши более 6 прирейнских футов в поперечнике, а в 1819 г. в С.-Петербург отправил вазу из цельного куска яшмы размером 9 футов $4\frac{1}{2}$ дюйма в поперечнике*. Яшму и порфир, которые здесь шлифуют, ломают главным образом близ р. Коргон. Во время моего посещения находились в обработке две колонны из зеленой и белой огнистой яшмы, высотой 9 футов $4\frac{1}{2}$ дюйма и свыше фута в диаметре — все без сращения, из одного цельного куска. Много таких колонн было уже отправлено в С.-Петербург. Далее я видел большую вазу 8 футов 8 дюймов в поперечнике, которую уже начали обрабатывать. Был почти закончен барельеф по превосходной модели известного ваятеля графа Федора Толстого; барельеф получился чрезвычайно удачным. Это поясной портрет императора Александра в полном вооружении, в римском одеянии, и под портретом, на отдельном поле, изображена битва под Лейпцигом, со множеством фигур, находящихся в суতোлке сражения. Работа над этим барельефом, производившаяся с огромным прилежанием, заняла три го-

да. Прекрасно служит этой цели используемый материал — одноцветная светло-желтая яшма, так как цвет камня очень близок к цвету того минерала, который в Италии часто идет на производство античных гемм*. Полностью законченными видел я также два пьесталла, каждый по 4 фута высотой, из серой с фиолетовым оттенком яшмы, две вазы по $1\frac{1}{2}$ фута высотой из бледно-красноватой яшмы, две небольшие вазы из зеленоватой яшмы и многие другие изделия. Здесь имеется также собрание моделей, по которым производились работы, заготовки античных гемм и т. п., коллекция всех встречающихся на Алтае разновидностей яшм, порфиров, брекчий, агатов и т. д. Все они снабжены номерами, служащими для того, чтобы можно было точно указать месторождение, а также чтобы сообщить в С.-Петербург (где находится такая же коллекция с теми же номерами), из какого материала изготовлен тот или иной заказываемый предмет.

Чтобы дать более полное представление о ценности изделий, которые здесь шлифуют, я должен добавить, что, как мне сообщил здешний начальник, одна ваза, около 8 футов в поперечнике, оценивается на месте в 35 000 руб. ассигнациями, хотя согласно существующему порядку, установленному царским Кабинетом, труд рабочих оплачивается очень низко. Из-за удаленности столицы трудность транспортировки такой большой вещи весьма ощутима: требуется много специальных приспособлений. Для этой цели изготовляют специальные сани, в которые впрягают до 12 лошадей; перевозку производят зимой и дорогу во многих местах предварительно разравнивают. До Екатеринбурга изделие везут сухопутным транспортом. Там оно находится до лета, после чего по Каме и далее отправляется в С.-Петербург. Впрочем, нельзя не сказать о том, как хорошо умеют в Колыванском горнозаводском округе с помощью несложного механизма доставлять на фабрику огромные каменные глыбы; это обычно делается людьми, ибо ло-

* Эта работа была предназначена в подарок императору Александру на случай, если бы во время его предполагаемого путешествия на Алтай он посетил шлифовальную фабрику. (Прим. автора).

* О некоторых наиболее примечательных здешних изделиях см. ниже (Приложения, № 1) (Прим. автора).

шадь тянут недостаточно равномерно. Если величина сделанной вазы достигает 15 футов в поперечнике, то можно себе представить, какую тяжесть должна иметь заготовленная необработанная глыба яшмы! Нередко при перевозке одной такой глыбы бываю заняты 300 чел.

У меня было намерение подняться на следующий день на Синюю сопку, которая находится отсюда на расстоянии шести верст. Тотчас же по моем прибытии здешний начальник послал верхового узнать, с какой стороны можно подняться на нее в такое раннее время года и осуществимо ли это вообще. Посланный вернулся к вечеру, но принес плохое известие, что на северо-западной стороне, с которой обычно поднимаются на эту гору, лежит еще слишком глубокий снег. Северо-восточная сторона настолько крутая, что подъем по ней невозможен, а на юго-западной стороне нужно преодолеть вброд множество речек, причем некоторые из них без специальной подготовки считаются непроходимыми. Подготовка же требовала так много времени, что мне пришлось отказаться от своего плана. Позже, во время путешествия, мне, конечно, приходилось переезжать без всякого подспорья, т. е. без мостов, лодок и т. п., просто бродом, бурные и крупные реки, однако вначале я еще почти не освоился с такими способами передвижения, которые требуются в условиях здешней местности.

Ожидая нарочного с известием о состоянии дороги, я получил другое, поразившее меня самым неприятным образом, письмо от д-ра Бунге, в котором он сообщил мне, что неподалеку от места его пребывания, в д. Чечулихе, появилась банда взбунтовавшихся рабочих, позволяющая себе разные насильственные действия. Хотя Бунге писал, что по отношению к нему во время нападения на Чечулиху они были настроены весьма дружелюбно, можно ли было доверять очень изменчивому настроению такой толпы. Конечно, я имел основания опасаться, что это могло стать значительным препятствием для моего путешествия, ибо опыт прежних лет показывал, как трудно бывает переловить людей, защищаемых непроходимостью диких и малознакомых гор,

где они знают каждый укромный уголок. Однако это обстоятельство, как впоследствии выяснилось, не повлияло на ход моего путешествия.

На следующий день, 16 апреля, рано утром я отправился в обратный путь в Змеиногорск и прибыл туда уже вскоре после полудня. Был очень теплый день, хотя ночью порядочно подморозило, и речки из-за сильного таяния снегов вздулись еще больше, чем накануне. Если раньше приходилось не только переезжать бурно низвергающиеся горные речки, но нередко дорогой служило и их русло, то теперь, на обратном пути, когда я к этому уже привык, мне доставляло удовольствие ехать против течения по руслу дикой бушующей, низвергающейся Суеты. Дорога была настолько крутой, что начальник в Кольвани велел запрячь мне шесть лошадей, полагая, что четверки, на которой я приехал в Кольвань, будет недостаточно для того, что затасать на Глядень мой экипаж. В самом деле, лошади часто с огромным трудом вывозили небольшой, без багажа, экипаж, особенно, если дорога шла по такому месту, где лежали рыхлые снежные массы в несколько футов толщиной. В других местах снег был настолько твердым, что по нему можно было ехать над пропастью, в которой протекали уже потоки, в то время как верхний пласт еще служил мостом для проезжающих. В таких случаях едут краем снежного моста, чтобы видеть толщину наста и иметь возможность судить о том, сможет ли он выдержать тяжесть. Несмотря на то, что во многих местах было еще много снега, черемуха (*Prunus Padus*) начала распускать свои почки.

23 апреля я выехал на Ревенную сопку в 35 верстах от Змеиногорска, по соседству с которой находится яшмовая камнемолня. Ехать все время нужно в юго-восточном направлении, не удаляясь от города, сначала через речку Змеевку, потом, пятью верстами далее, через Березовку, а в восьми верстах от Змеиногорска — через Большую и Малую Гольцовки. Местность до сих пор была совершенно однообразной: такие же, как и близ дороги — обычные кустарники и травы, на низменных местах — заросли тала. Обе Гольцовки текут в узких долинах, по сторонам которых подни-

маются возвышенности; на берегах речек растут березы, пихты и тополя. Дальше, на склонах холмов, встречаются такие же виды деревьев, но до Лазаревского серебряного рудника (20 верст от Змеиногорска) лес редкий. Здесь живет много рабочих в чистых хорошо построенных домах; видно, что люди живут зажиточно. Ожидая проводника и верховых лошадей, я задержался у дома смотрителя.

Сопка лежит на высоте 1650 футов над уровнем моря. Неподалеку от этого места, на северо-востоке, поднимаются горы значительной высоты; они того же строения, что и окружающие Змеиногорск. Когда едешь в юго-восточном направлении, по дороге к Ревенной сопке, то переваливаешь через довольно высокий, весьма лесистый горный хребет, на котором в то время лежало еще очень много снега, часто его было столько, что лошади проваливались по брюхо. Чем выше становилась местность, тем больше встречалось сугробов, так что мне пришлось, в конце концов, покинуть экипаж и продолжить путь пешком.

Местная растительность отстает в своем развитии от растительности в окрестностях Змеиногорска не меньше чем на неделю. Березы и ивы, встречавшиеся там лишь кое-где в садах, имели уже довольно-таки крупные листья, а здесь у них только-только начинали распускаться почки; многие травянистые растения, которые в Змеиногорске уже отцвели, например хохлатка желтая, кандык сибирский, гусятник нитевидный и другие, здесь еще были в полном цвету. Кроме упомянутых деревьев, здесь растут черемуха и рябина обыкновенная (*Sorbus Aucuparia*); из кустарников встречаются бузина красная (*Sambucus racemosa*), казырган (*Ribes petraeum*) и калина. Высота стеблей травянистых растений очень велика; еще и теперь стояли отдельные высохшие прошлогодние стебли зонтичных растений, вероятно, одного из видов дудника (*Angelica*), достигающие без верхушек почти восьми футов.

Спустившись по противоположному склону с обеих сторон полого снижающегося горного хребта, мы подъехали к маленькой речке Лаговушке,

а по ее руслу — к нескольким избам, возле которых на высоте 1915 футов над уровнем моря находится яшмовая каменоломня («Ревеннушский каменный лом»). По обе стороны этой речки ломают яшму. На южном берегу мы обратили внимание на огромную глыбу с серо-зелеными и белыми полосами, около 10 сажень высоты и такой же ширины. Глыба лежала в направлении с северо-востока на юго-запад, вертикальные полосы различной ширины шли волнообразно. От нее раньше уже откалывались отдельные куски, из которых, как рассказано выше, делались в Кольвани колонны. Сначала эти куски тут же, на месте, грубо обтесываются для более удобной перевозки и уменьшения тяжести. Для этой цели построено специальное здание. Нынешней весной работы еще не начинались, и поэтому здесь проживало всего несколько человек, охранявших инструменты и разные устройства. Неподалеку от этой глыбы из обрывистого берега выступают меньшие. Яшма однообразно серого цвета есть по ту сторону речки. В русле речки встречаются отдельные маленькие гранитные валуны.

На расстоянии одной-двух верст отсюда расположены три вершины, которые все вместе называются Ревенная сопка, — северная, южная и средняя. Последняя, лежащая несколько дальше к востоку, наиболее высокая. Я поднялся на нее с южной стороны. Сначала подъем на гору был довольно пологим, но последние 400—500 футов он стал настолько крут, что приходилось с трудом взбираться на гранитные глыбы, порой цепляясь за них руками и ногами. Между ними среди всяких обломков растут кизильник черноплодный, можжевельник казачий (*Juniperus Sabina*), смородина черная (*Ribes nigrum*), рябина, береза бородавчатая (*Betula alba*), пихта, таволга зверобоелистая, барбарис сибирский и шиповник колючий, но все — в виде кустарников. Стебли, едва поднявшись на несколько дюймов над почвой, начинают ползти, прижимаясь к каменистой россыпи. На верхнем плато этой горы растения совершенно отстали в развитии. Скрыпун гибридный, репка колючая, порезник бухтарминский, тимьян (*Thymus*) и лук

(*Allium*) только начинали пускать ростки, в то время как крупка (*Draba*), — возможно беловато-пушистая (*confusa*) выпустила свои цветоножки, а прострел широкоцветный стоял уже в полном цвету. В небольших ложбинах на южной стороне цвел еще пьяный корень (*Corydalis nobilis*), но следов ревеня (*Rheum*), от которого гора получила свое название, я нигде не нашел. С этого плато поднимается еще отдельная вершина, образованная из больших глыб, нагроможденных одна на другую, вскарабкаться на которую мне удалось лишь с превеликим трудом. На вершине горы дул столь сильный северный ветер, что нельзя было стоять, выпрямившись во весь рост. Заметив среди скалистых глыб место, защищенное от ветра, находившееся примерно на пять футов ниже вер-

шины, я, чтобы иметь возможность в безопасности наблюдать за барометром, перебрался туда и установил, что высота места, где я находился, составляет 3088 футов над уровнем моря. Спустившись с вершины, — что оказалось делом еще более трудным, чем подняться на нее, — я опять поехал к тому месту, где оставил свой экипаж, а затем направился на Лазаревский рудник, к дому смотрителя. Здесь мне еще раз пришлось убедиться в том, насколько живущим в этой местности представителям низших классов свойственно гостеприимство: мой хозяин не разрешил мне распаковывать чайный сервиз и просил позволения угостить меня. Приветливо и сытно попотчевав меня, он богато одарил и моих людей. В тот же вечер я выехал в Змеиногорск, куда и прибыл поздним вечером.

Глава третья

ПОЕЗДКА ИЗ ЗМЕИНОГОРСКА НА РИДДЕРСКИЙ РУДНИК. ПРЕБЫВАНИЕ ТАМ

25 апреля сообщили, что дорожные принадлежности, приготовление которых во время моего пребывания в Змеиногорске задержалось пасхальными праздниками, готовы, и в тот же день после полудня я отправился на Риддерский рудник. Расстояние между Змеиногорском и Риддерском составляет 184 версты. К двум первым станциям путь лежит прямо на юг по большому почтовому тракту, ведущему на Семипалатинск, и дальше по казачьей линии. До первой станции (Екатерининская, 29 верст) дорога идет по ровной степи, на которой с востока на запад простираются небольшие возвышенности. Те растения, которые в Змеиногорске встречались у подножий холмов, здесь росли при дороге. Чину бледную (*Orob. pallescens*) я находил здесь редко и всегда в единичных экземплярах. Через пять верст от ст. Екатерининской мы переехали речку Гольцовку; еще через две версты эта речка впадает в Алей, берегом которого, поросшим кустарником, дорога и идет все время. Недалеко от станции мы переехали эту реку. Было уже поздно, когда я добрался до Екатери-

нинской, и, так как меня менее всего устраивало продолжать путь ночью, решил заночевать в селении. Хотя и следует похвалить гостеприимство жителей этой местности, все же мой хозяин составил в этом отношении исключение, предложив мне обратиться в другую избу. Но это был единственный случай за все время моего путешествия, когда я не нашел дружеского приема. Абсолютную высоту этого села я определил в 1024 фута.

На следующее утро (26 апреля) я очень рано выехал на вторую станцию (Шемонаиха, 31 верста). В 14 верстах от Екатерининской мы перевалили вершину, проходящую с востока на запад и отделяющую бассейн Оби, в которую впадает Алей, от бассейна Иртыша, в который вливается Уба. Вершина эта представляет собой продолжение той горной цепи, с которой стекают большие реки северной части Алтайских гор и чья западная часть известна под именем Тигирецких белков. Высота перевала составляет свыше 1675 футов. Немного дальше встречается речка Таловка и еще на расстоянии трех верст